

Торопливый Гун Юньшу не заметил ничего необычного и толкнул дверь. В комнате клубился пар, и на ширме с золотым пейзажем из тушёвых гор и вод отражался силуэт Хуа Жолянью.

— Хун Юань, вода скоро остынет, добавь горячей, — сказала Хуа Жолянью, думая, что дверь открыла Хун Юань. Не дождавшись ответа, она встала: — Хун Юань?

Изящный силуэт отражался на ширме.

Голову Гун Юньшу целиком заполнили картинки из той книжечки с жёлтыми картинками, что подарил ей генерал Ли, — истории о нежных ласках двух девушек.

И этими двумя девушками были она сама и Хуа Жолянью. Грозный маршал Гун почувствовала, как из носа потекло.

Слишком прекрасное зрелище.

Она поспешно зажала нос рукой, но кровь всё равно сочилась между пальцев. Кап-кап-кап — падала на пол. Гун Юньшу замотала головой, пытаясь вытрясти из головы эти неподобающие образы.

Как она могла так осквернять принцессу?

— Зять императора, что вы здесь делаете? — удивлённо воскликнула подросевшая Хун Юань. — Зять императора, у вас кровь из носа! — добила она.

Даже если бы Хуа Жолянью не поняла раньше, то теперь до неё дошло — это был Гун Юньшу. Она покраснела от стыда, поспешно села и гневно крикнула:

— Гун Юньшу!

С глухим стуком Гун Юньшу рухнула на колени и жалобно произнесла:

— Юньшу знает, что виновата. Прошу принцессу назначить наказание.

— Вон!

— Хорошо, хорошо, хорошо, — Гун Юньшу уже собралась уходить, как услышала голос Хуа Жолянью:

— Хун Юань, выйди. Гун Юньшу, ты останься! — Раз уж тебе так нравится подглядывать, я дам тебе насмотреться вдоволь!

— Как прикажете, ваше высочество, — Хун Юань с сочувствием взглянула на Гун Юньшу, передала ей ведро с водой и выскользнула прочь. В огромной спальне остались только растерянная Гун Юньшу и разгневанная Хуа Жолян.

Сквозь ширму Хуа Жолян смотрела на очертания Гун Юньшу.

— Заходи. Налей мне воды, — в голосе не было слышно ни радости, ни гнева.

— Принцесса... это... это не слишком прилично?

— А ты боишься, что не сможешь удержаться от неподобающего поведения? — Хуа Жолян точно знала о немощи Гун Юньшу. Всё же они были супругами, и ей хотелось посмотреть на жалкий вид Гун Юньшу, которая может только смотреть, но не трогать. Это была вовсе не месть за подглядывание, а всего лишь маленькое наказание.

Взяв ведро, Гун Юньшу двинулась вперёд с закрытыми глазами. Как человек, обученный боевым искусствам, она могла ориентироваться на слух. Чем ближе она подходила, тем сильнее ощущался лекарственный аромат, пропитавший Хуа Жолян за долгие годы питья снадобий. В голове Гун Юньшу сама собой начала рисоваться соблазнительная фигура Хуа Жолян.

— У тебя кровь из носа капает в ведро.

— А? — Гун Юньшу открыла глаза, чтобы заглянуть в ведро, но взгляд её прилип к Хуа Жолян и больше не мог оторваться. Она застыла в оцепенении: изящный носик, влажные рубиновые губы, белоснежные, как фарфор, зубы. Влажные пряди волос прилипли к бледному лицу, придавая ей ещё более хрупкий вид.

Пара персиковых глаз, улыбающихся и не улыбающихся, смотрели на неё. Сердце Гун Юньшу пропустило удар. В тот миг, когда она потеряла бдительность, Хуа Жолян протянула руку, приподняла её подбородок и мягко спросила:

— Что же ты замолчала?

В этих персиковых глазах была тысяча соблазнов.

Ведро с водой опрокинулось на пол. Гун Юньшу опомнилась:

— Я... я принесу воды, — подхватила ведро и собралась улизнуть, её лицо пылало.

Но Хуа Жолян не собиралась так легко её отпускать.

— Юньшу, к тому времени, как ты вернёшься, вода уже остынет. Юньшу может использовать внутреннюю энергию, чтобы согреть её, — она называла её «Юньшу» с такой близостью, что это проникало в самую душу.

— Принцесса... принцесса, такой способ существует, но для этого нужна чрезвычайно глубокая внутренняя сила. Юньшу на такое не способна.

Сказав это, она попятилась.

— Тогда не буду купаться. Потом поможешь мне переодеться. А сейчас подай мне одежду, что лежит рядом.

— А! — Гун Юньшу открыла глаза и тут же снова закрыла. Помявшись добрую минуту, выдавила: — Хо-ро-шо... хорошо... — Закрыв глаза, она нащупала одежду, полагаясь на шестое чувство, и вернулась.

Лишённая зрения, погружённая в темноту, она стала остро ощущать всё остальное. Жар в комнате, смешанный с дыханием Хуа Жолян, заставлял каждую нервную клетку Гун Юньшу быть напряжённой. Это было не просто неловко — это было трудноописуемое чувство.

То, что было так легко доступно, приходилось мучительно подавлять.

Тяжело.

Непристойные картинки снова и снова бушевали в голове...

— Пф-ф! — Гун Юньшу поспешно зажала нос. Если продолжать игру, она истечёт кровью прямо здесь.

— Ха-ха-ха! — Хуа Жолян рассмеялась, забыв о всяком приличии.

— Принцесса нарочно надо мной издевается! — Гун Юньшу, зажимая нос, уставилась на Хуа Жолян.

— Юньшу рассердилась? — Хуа Жолян сделала невинное лицо, отчего Гун Юньшу заскрежетала зубами от злости. Ей хотелось броситься и повалить эту женщину, но она ничего не могла поделать. Что, если бы та узнала, что она — женщина? Оттолкнула бы её прочь или, разгневавшись, донесла императору?

Как долго сможет продлиться этот фарс с подставным браком?

— Юньшу переживает из-за своего недуга? Я уже велела Хун Юань искать хорошее лекарство. Думаю, твою болезнь можно вылечить, — заметив, что Гун Юньшу внезапно замолчала, Хуа Жолян подумала, что та переживает из-за своего бессилия, и попыталась утешить.

— Принцесса... — слова застряли у Гун Юньшу в горле. Она несколько раз пыталась их произнести, но так и не смогла. — Принцесса, отпустите меня, хорошо?

— Ах, вот в чём дело, — вспомнив, как мучительно Гун Юньшу только что сдерживалась, Хуа Жолян нашла это чрезвычайно забавным.

Истинный благородный муж.

— Ладно, не буду тебя дразнить. Можешь идти.

Каждая секунда, проведённая здесь, была для Гун Юньшу пыткой. Она не знала, как смотреть в глаза Хуа Жолян, но в глубине души понимала: Хуа Жолян любит её. Но лишь при условии, что она — мужчина.

А если мужчина окажется женщиной, что тогда сделает Хуа Жолян?

У неё было много возможностей рассказать всё, но из-за собственного эгоизма она намеренно скрывала правду.

В этот миг Гун Юньшу почувствовала к себе отвращение.

Я — женщина под красной заколкой.

Одевшись, Хуа Жолян вышла. Увидев, что Гун Юньшу хмурится и выглядит подавленной, она решила, что та всё ещё переживает из-за своего недуга, и её соблазнение только усугубило беспокойство.

Она обняла Гун Юньшу со спины. Тело в её объятиях слегка напряглось, и Хуа Жолян с лёгкой укоризной спросила:

— Юньшу не хочет, чтобы я была рядом?

— Нет... нет... я... — Гун Юньшу в панике попыталась объяснить, но не смогла выдать ни слова. Однако радостная улыбка на её лице уже сказала Хуа Жолян всё.

Перед лицом этой внезапной близости Гун Юньшу, словно ребёнок, растерялась и втайне радовалась.

Она закрыла глаза, наслаждаясь этим мгновением. Спустя минуту она отняла руки Хуа Жолянь от своей талии и с глухим стуком рухнула на колени.

— Хуа Жолянь, я люблю тебя.

От такого напора Хуа Жолянь изумлённо моргнула, а затем рассмеялась:

— Я знаю, Юньшу хочет, чтобы я тоже сказала, что люблю тебя, да?

Но улыбка в следующее мгновение застыла на её лице.

— Я — женщина.

Гун Юньшу сняла свой яшмовый венец, и волосы рассыпались по плечам. В её благородном и красивом облике проступила женская грация. Она расстегнула одежду, и та слой за слоем соскользнула на пол. Последнюю повязку, стягивающую грудь, она тоже развязала. Грудь из-за тугого бинтования была немного мала, на теле было много шрамов от мечей и сабель. Но более изящные, чем у мужчины, ключицы, отсутствие кадыка на шее, ничего лишнего внизу... Всё это говорило Хуа Жолянь, что она полюбила женщину.

— ...

— Хватит, — бессильно выкрикнула Хуа Жолянь. Она потёрла пульсирующие виски. — Неудивительно, что ты не стремилась к чиновничьей должности, неудивительно, что на твоём лице была печаль, неудивительно, что ты была немощна... Хе-хе. Играть с моими чувствами доставляет тебе удовольствие? Или что?

— Нет... принцесса. Я не такая, как ты думаешь, — Гун Юньшу запаниковала, накинула одежду и, приблизившись к Хуа Жолянь, попыталась объяснить.

— Не подходи ко мне, — Хуа Жолянь оттолкнула её руку. — Почему ты сказала только сейчас?
— Если бы она сказала раньше, её сердце не болело бы так сильно сейчас.

Хуа Жолянь всё это время радовалась, что нашла достойного человека, а оказалось, что этот достойный человек — женщина. Она вспомнила дни, когда Гун Юньшу не было рядом, и свою глубокую тоску по ней. Всё это казалось чудовищной шуткой.

Сплошное утаивание и обман.

— Уходи. Покинь поместье принцессы. Я не хочу больше тебя видеть, — её прежде мягкое лицо стало холодным и жёстким, в персиковых глазах больше не было былой нежности. Она смотрела на Гун Юньшу как на чужого человека, хотя, если приглядеться, в глазах Хуа Жолянь

блестели слёзы.

— Принцесса, — сердце Гун Юньшу разрывалось от боли.

Она снова упала на колени. Это она, из-за своего эгоизма, погубила жизнь Хуа Жолян. Но она не хотела сдаваться и терять её вот так.

Гун Юньшу объяснила:

— Мои родители погибли от рук северных кочевников. Все сто двадцать человек в нашей деревне были вырезаны варварами. Чтобы отомстить за кровь, мне пришлось переодеться мужчиной и пойти в армию убивать врагов. Я не стремилась к высоким должностям и богатству, и тем более не хотела обманывать принцессу. Но один за другим пришли два указа: первый — назначить меня главнокомандующим трёх армий, второй — сделать меня супругом принцессы.

Глядя на израненное тело Гун Юньшу, Хуа Жолян закрыла глаза. С горечью она произнесла:

— Уходи. Можешь не беспокоиться об этом деле. Я не скажу отцу-императору.

— Почему я сказала только сейчас? Потому что я люблю принцессу!

— Хватит! Уходи! Убирайся! Ты хочешь снова поиграть с моими чувствами? Гун Юньшу!

— Принцесса, завтра... завтра Юньшу должна выступить в поход... — Как маршал, она ни в коем случае не должна была падать духом или терять боевой настрой. Но сейчас Гун Юньшу сидела, низко опустив голову, сжав кулаки. Она всё ещё на что-то надеялась...

— Я... хочу побыть одна... Уходи.

— Принцесса, я...

— Уходи!

Увидев, что Хуа Жолян разгневана, Гун Юньшу почувствовала боль в душе. Она не осмелилась больше оставаться здесь и, запинаясь на каждом шагу, вышла.

...

«Следуя велению Неба, император указом повелевает: принимая во внимание, что усмиряющий север маршал Гун Юньшу всецело предан государству и редко бывает с семьёй,

император, проявляя милость, разрешает ей взять с собой домочадцев в южный поход».

Как назло, ещё один императорский указ. Он намертво связал их двоих.

Эта перемена не дала им времени успокоиться.

Одна пряталась в карете, другая — снаружи.

Внутри кареты курились благовония, успокаивающие дух, были постелены мягкие подушки. Убранство почти не отличалось от покоев в поместье принцессы, разве что было поменьше. Но эта карета и так была самой большой в столице.

Хуа Жолян была слаба здоровьем, и Гун Юньшу надеялась, что хотя бы так ей будет немного легче.

«Вот о чём я думаю», — Гун Юньшу сама не заметила, как нахмурилась. Император, зная о слабом здоровье Хуа Жолян, всё равно отправил её на юг. Некоторые вещи Гун Юньшу не хотела обдумывать слишком глубоко. «Но, может, это и к лучшему — будет больше времени побыть с ней», — подумала она. Хотя боялась, что за это время Хуа Жолян возненавидит её ещё сильнее.

Вместе с Хуа Жолян на юг отправились и Хун Юань, и Ин. Император сначала хотел назначить в сопровождение Хуа Жолян кого-то из своих людей, но потом передумал: если сделать это слишком openly, это будет выглядеть как слежка за Гун Юньшу. Однако, взглянув на то, как Гун Юньшу смотрит на Хуа Жолян, император отказался от этой мысли. Одной Хуа Жолян было достаточно.

Сидящий рядом Ин, заметив, что Гун Юньшу не в себе, сказал:

— Зять императора, нужно сосредоточиться на управлении каретой.

В карете Хун Юань наконец-то услышала человеческий голос. И это был голос вечно молчаливого Ина. Она вздохнула про себя, не понимая, какая ссора произошла между её госпожой и зятем императора. За всю дорогу они не обменялись ни единым словом. У обоих были такие лица, что погода, и без того холодная, стала ещё мрачнее.

Для Хун Юань это было сущей пыткой. Видя, что лицо Хуа Жолян немного смягчилось, она не удержалась и спросила:

— Ваше высочество, император приказал вам ехать на юг вместе с зятем императора. Разве вы не рады? Служанка помнит, как в те дни, когда зять императора был на северной границе, вы каждый день по многу раз упоминали её при мне, и рассматривали её портрет по несколько десятков раз, и несколько раз брались за кисть, чтобы написать ей письмо... Ай? Ваше

высочество, почему вы каждый раз хотели написать, но не писали?

Потому что госпожа ждала, когда зять императора напишет первой.

Эти слова отчётливо донеслись до Гун Юньшу, сидевшей снаружи кареты. Она смаковала их, и её напряжённое выражение лица сменилось искренней улыбкой.

Разве можно говорить о таких вещах?

Лицо Хуа Жолянъ вспыхнуло от стыда и смущения. Она уставилась на Хун Юань, тыча в неё пальцем и заикаясь:

— Ты... ты... ты!

Как можно было такое рассказать?

Она махнула рукой и отвернулась.

Не ведает, что творит — не ведает греха. Не ведает, что творит — не ведает греха.

Увидев такую реакцию своей госпожи, Хун Юань прозрела: она снова сказала что-то не то. Она тут же чинно повинулась:

— Ваше высочество, служанка снова провинилась. Накажите меня!

Вот такие люди бывают. Простодушные до очарования, совершающие глупости. Думаешь о них — и злость берёт. Сколько раз принимала решение строго наказать, но, видя их жалкий вид, не знаешь, как и наказать.

И милые, и досадные. Лучше не обращать внимания на таких людей.

Эта маленькая интерлюдия немного смягчила настроение обеих.

Вскоре карета соединилась с армией.

В лагере было полно грубых мужланов, и все они горели любопытством к прославленной своей красотой принцессе. Завидев издалека карету, они вытягивали шеи, чтобы хоть одним глазком взглянуть. Случайно столкнувшись с ледяным взглядом Гун Юньшу, они тут же втягивали головы обратно.

Неподалёку от кареты Гун Юньшу подозвала нескольких генералов. Она обсудила с ними кое-какие дела.

Под красивым предлогом: «Многосоттысячная армия южного усмирения не может справиться с жалкими несколькими десятками тысяч остатков южной династии. Тут, должно быть, какой-то обман. Юньшу лично отправится разведать обстановку. Выяснить истинное положение. Знай врага и знай себя — и ты одержишь сто побед».

Возможно, отчасти так оно и было.

Генералы во главе с Ли сделали вид, что не понимают: их маршал поступает так во многом ради принцессы в карете.

— Маршал мудр.

— Маршал предусмотрителен.

— Маршал всё продумал.

Она — маршал, нечего пререкаться, слушаемся.

Карета постояла в лагере недолго и быстро тронулась дальше.

Гун Юньшу чуть ли не приклеилась к карете, так что солдаты так и не увидели принцессу даже краем глаза.

Словно кто-то мог у неё её отнять.

А может, и мог.

Так они ехали всю дорогу, и на душе у Хуа Жолян было беспокойно. Разве армия может двигаться так быстро? Она попросила Хун Юань узнать, в чём дело, и выяснила, что её снова намертво связали с Гун Юньшу.

Даже так, Хуа Жолян всё равно дулась и упорно не желала разговаривать с Гун Юньшу. Она злилась до тех пор, пока сама не перестала понимать, на что именно злится.

На то, кем оказалась Гун Юньшу?

В таких делах нужно обоюдное согласие. Один хочет бить, другой — терпеть. Смирись.

Поколебавшись долгое время, Гун Юньшу осторожно обратилась к карете:

— Принцесса, сегодня, боюсь, придётся вам потерпеть и переночевать в карете.

После этих слов прошло полминуты, прежде чем раздался ответ. На этот раз передавала не Хун Юань, а сама Хуа Жолян.

— Через сколько дней мы доберёмся до города?

В голосе не было особых эмоций, он звучал ровно и спокойно.

Гун Юньшу не могла сказать Хуа Жолян, что специально выбрала окольный путь, чтобы побыть с ней подольше. И не стала бы говорить, что по этой дальней дороге карета скоро станет непригодна и придётся идти пешком.

В армии много людей, много поклажи. Чтобы добраться до цели, понадобится ещё больше месяца. Если же идти так, как задумала она, — самое большее за половину месяца. А тогда можно будет и разведать обстановку.

Подумав мгновение, Гун Юньшу сказала:

— Мы заблудились.

Кто поверит в такое? Чтобы прославленный Нефритовый маршал, водивший армии в бой, заблудился? Сразу ясно, что это ложь. Хуа Жолян горько усмехнулась и спросила:

— Великий маршал Гун, вы заблудились?

— Никто не устанавливал правил, что я не могу заблудиться.

Раз всё равно всё неправда, можно идти до конца. Гун Юньшу ответила с серьёзным видом.

— Тогда возвращайся той же дорогой и поезжай заново.

— Раз заблудилась, то не могу найти обратный путь.

— Гун Юньшу, ты нарочно!

— Правда заблудилась.

— Ты обманываешь меня.

— Честно-честно.

Зацикливаться на этом вопросе Хуа Жоляннь сочла бессмысленным. Она решила, что не стоит больше спорить с Гун Юньшу. Не потому, что не могла переспорить, а потому, что это как учёному с солдафоном — логика бессильна. Ладно, всё равно никто не видел, как она проглотила эту обиду молча.

— Ваше высочество, вы выглядите недовольной?

Ах да, она совсем забыла про Хун Юань.

В обязанности Ина входила охрана Хуа Жоляннь. Всё, что касалось готовки и хозяйства, естественно, легло на плечи Гун Юньшу. Поймав дикую курицу и собрав хворост, она поспешила обратно. Краем глаза она заметила Хун Юань, которая жалобно сидела на корточках у кареты и от скуки пересчитывала сухие листья.

Она скользнула взглядом по карете — Ин был на месте. Выдохнув с облегчением, Гун Юньшу подошла и спросила:

— Хун Юань, почему ты не в карете?

— Госпожа велела мне помочь тебе.

— Вот как? Я и сама всё сделаю. Можешь продолжать играть с листочками.

Держа в одной руке жирную курицу, а в другой — охапку хвороста, Гун Юньшу как ни в чём не бывало отошла в сторону. Ещё чего! Зная, как Хуа Жоляннь относится к Хун Юань, Гун Юньшу ни за что не осмелилась бы ею командовать. Разве что она хотела ещё сильнее упасть в глазах Хуа Жоляннь.

Разложив хворост, Гун Юньшу увидела, что к ней подходит Хун Юань.

— Зять императора, госпожа велела мне помогать тебе. Если ты не дашь мне помочь, госпожа подумает, что я ни на что не гожусь.

Гун Юньшу задумалась, затем встала:

— Действительно, есть одно дело, в котором нужна твоя помощь.

— Какое?

— Мне здесь скучно. Лучше расскажи мне историю о твоей госпоже, принцессе.

Сродство душ

В глазах других Хуа Жолянь, должно быть, была беззаботной принцессой из императорской семьи. Кто знал, что она потеряла мать в пять лет? Живя в том дворце, её некогда ясные глаза впитали слишком много всего.

Гун Юньшу молча слушала рассказ Хун Юань. Она спокойно и методично разжигала костёр. Пламя постепенно окрепло, освещая немного озабоченное лицо Гун Юньшу.

— Госпожа очень добра к нам, слугам... — Хун Юань прикусила губу и продолжила: — Я видела, как те наложницы... из-за того, что их слуги пролили воду, забивали их до смерти палками.

Каждый раз, когда госпожа говорила, что строго накажет её, дело ограничивалось лишь устным выговором. Если бы её действительно наказывали, её бы давно разорвали на части пятерней лошадей.

— Я знаю, что у зятя императора и госпожи, должно быть, размолвка. Но... — Хун Юань приблизилась к Гун Юньшу и тихо сказала: — Госпожа всё держит в себе, притворяясь, что всё легко и просто. Сейчас она, наверное, очень хочет поговорить с тобой.

Иначе зачем бы она тайком отодвигала занавеску в карете, чтобы украдкой взглянуть на Гун Юньшу? Сказав это, Хун Юань посмотрела на зажаренную курицу и взглядом дала понять Гун Юньшу, что та может отнести угощение сама.

Стемнело. В карете не было свечи. Было темно и немного давяще. Хуа Жолянь пожалела, что выгнала Хун Юань — с ней в карете было бы хоть немного уютнее. Но если бы она не выгнала Хун Юань, та могла бы заметить, что госпожа сама не своя.

Лунный свет просочился в карету. Хуа Жолянь обернулась и увидела Гун Юньшу.

— Юнь... Ты зачем пришла? — спросила Хуа Жолянь с вызовом.

— Я... я принесла тебе поесть.

Гун Юньшу протянула Хуа Жолянь курицу, завернутую в листья лотоса.

Запах масла мгновенно заполнил ноздри Хуа Жолян. Она инстинктивно отступила на шаг.

В темноте Хуа Жолян, возможно, плохо видела. Но Гун Юньшу привыкла к ночи за годы военных походов и могла разглядеть выражение лица Хуа Жолян.

Она убрала еду и осторожно объяснила:

— Ты, наверное, такого не ела, но на вкус неплохо.

Во время сражений, если случалось попасть в окружение, приходилось есть листья и корни. По сравнению с этим, курица без всяких приправ и впрямь казалась деликатесом.

Снаружи Хун Юань, уплетавшая курицу, скривилась. Сухо, пахнет дичью, безвкусно.

— Положи пока.

Хуа Жолян замолчала, всем своим видом показывая, что ждёт, когда Гун Юньшу уйдёт.

<http://bllate.org/book/19781/1949263>